

НАУКА И МОРАЛЬ

К. Т. ВИНИЧЕНКО

В проблеме взаимосвязи форм общественного сознания важное значение приобретает рассмотрение соотношения науки и морали.

Для буржуазной философии характерен традиционный разрыв между наукой и моралью, представление о их несовместимости друг с другом.

Министерство сельского хозяйства США (во время второго срока пребывания Рузвельта на посту президента) на конференциях, посвященных проблемам развития американского сельского хозяйства, поставило на обсуждение вопросы о том, каковы должны быть цели американского общества и сельского хозяйства, в частности. К обсуждению этого вопроса были привлечены ведущие ученые: экономисты, историки, антропологи, социологи, работники в области политической науки и социальной психологии. Однако ученые отказались обсуждать эти вопросы, мотивируя свой отказ тем, что как ученых их могут интересовать лишь проблемы фактов. Что же касается вопроса о целях, то данный вопрос не имеет отношения к науке, он относится к сфере ценностей и является предметом рассмотрения философии и религии. Министерство сельского хозяйства вынуждено было обратиться за разрешением проблемы целей американского сельского хозяйства к философам и видным религиозным деятелям¹).

Согласно данной строго соблюдаемой традиции, ученый имеет дело с фактами, он рассматривает мир и человека такими, каковы они есть. Ученый может говорить о будущем только при условии, если будет осуществлен определенный эксперимент или будут предприняты действия в определенном направлении. Но при этом ученые не могут и не должны пытаться решать вопросы о том, в чем заключается благо, какой ход событий является наиболее желательным, ибо их решение всецело основывается на субъективных мнениях людей. Между сущим и должным нет никакой связи. Первое есть область науки, второе — этики и религии. Категории «ценность», «добро», «зло», «ответственность», «совесть» и т. д. выходят за пределы науки, они не существуют для ученого.

Итак, между наукой и моралью нет никаких точек соприкосновения. То, что является компетенцией науки, не входит в область морали и наоборот.

---

¹) Г. Селзам. Марксизм и мораль. М., 1962, стр. 144—145.

В данной концепции выражается лицемерие буржуазии, в теории провозглашающей независимость науки от морали, а на практике подчиняющей науку своим классовым моральным принципам. Отрицание связи науки с моралью есть в сущности оправдание аморализма в науке. Всему миру известен факт, что США явились первой страной, применившей открытие атомной энергии для уничтожения людей. 6 августа 1945 г. летающая сверхкрепость «Энола Гэй» в 8 час. 45 мин. утра сбросила атомную бомбу на японский город Хиросима. Несколько кг урана-235 уничтожило 100 тыс. человек, 9 августа 1945 г. самолет «Грэнд артист» сбросил плутониевую бомбу на порт Нагасаки. 70 тыс. жертв! Атомный век предстал перед человечеством под самым страшным знаменем.

На судебном процессе Оппенгеймера, американского ученого-физика, обвиненного в отказе от создания водородной бомбы, главный обвинитель Теллер заявил, что совесть — не научная категория, последствия фактов — вне добра и зла, а потому ученый не должен нести никакой ответственности за каждого ребенка, убитого при бомбардировке Хиросимы.

В современных условиях, когда общество располагает колоссальными научно-техническими средствами, которые могут быть обращены против человечества, отказ от долга и ответственности в науке таит трагические последствия для судеб мира. Поэтому обоснование взаимосвязи науки и морали приобретает важное значение в борьбе против буржуазной идеологии.

Диалектический подход к данной проблеме позволяет избежать односторонности в регулировании процесса формирования духовной культуры коммунизма.

В настоящее время научное сознание приобретает все более ведущую роль в структуре общественного сознания, в организации и управлении общественными процессами. Об этом свидетельствует колоссальный рост объема научных знаний, возрастающие масштабы научной деятельности, рост государственных затрат на науку. В СССР за годы советской власти к 1965 г. количество научных работников возросло в 65 раз, при увеличении численности рабочих и служащих — в 6 раз. За последние 10 лет сумма расходов на науку увеличилась в 5 раз и достигла 6,5 млрд. руб.²⁾

Складывается новая отрасль знания, изучающая общие закономерности развития науки и призванная дать общую теорию управления наукой. Наука становится основой формирования общественного и индивидуального сознания.

Однако в понимании роли научного сознания в создании духовной культуры коммунизма, на наш взгляд, до последнего времени допускался несколько односторонний подход. Разговор по данной проблеме велся иногда в чисто интеллектуальном аспекте. Интерес к научным знаниям преподносился в виде культа знания как такового, вне связи с проблемой убежденности и самовоспитания нравственных качеств личности. Обсуждение вопроса о роли науки в формировании личности останавливался где-то на полпути, не доходя до проблемы превращения научной истины в сферу нравственности, в деяние блага. Это пренебрежение к этической стороне научного познания ведет к моральному вакууму, к интеллектуальному снобизму, однобокому развитию индивида.

Во время дискуссии по вопросу о соотношении знаний и нравственности, проходившей на страницах «Комсомольской правды» в сентябре — октябре 1963 года, в статье «Талант без капли человечности» рассказывалось об Алексее из города Киева. Он окончил школу

²⁾ Газета «Правда», 1965, 17 декабря.

с золотой медалью, затем пошел учиться в мединститут, считался талантливым студентом, выполнявшим ответственные эксперименты. Через год после окончания института решил стать аспирантом, за год он блестяще сдал все кандидатские экзамены, представил несколько научных работ, в совершенстве овладел английским, немецким и французским языками. Потом он защитил кандидатскую диссертацию и одновременно собрал материал для докторской. В 30 лет он уже был доктором наук. Если еще учесть, что Алексей писал стихи, хорошо исполнял произведения Бетховена и Моцарта, то, казалось, он — эталон нашего современника, жадного к знаниям, целеустремленного. Но... у него не было товарищей, друзей. Он любил повторять: «Друзей не бывает, есть только заинтересованные лица». Рассуждая о тонкостях японско-бельгийской кухни, он выходил из-за стола, не поблагодарив свою бабушку. За 10 лет он ни разу не вспомнил о своей матери, которая отдала ему все, что могла, и сейчас живет один на один со своим горем³⁾.

Интерес к науке, знаниям, не переведенный в стимул для добрых дел, в сферу гражданственности и элементарной человеческой доброты — это вид духовного уродства. Идя по такому пути, нельзя решить задачу всестороннего развития личности.

Таким образом, проблема взаимоотношений науки и морали как часть общей проблемы взаимоотношений форм общественного сознания вытекает из требований самой действительности.

Следует отметить, что в нашей философской литературе в последние годы намечается возрастание внимания к этической стороне науки. Заслуживает внимания книга Ф. А. Селиванова «Этика». В разделе «Истина и добродетель» автор дает достаточно аргументированное изложение вопроса о единстве научного знания и коммунистической морали. Вопрос о соотношении познания и моральных ценностей получает свое специальное рассмотрение в статье А. Ф. Шишкина «Об этике ученого», опубликованной в журнале «Вопросы философии», № 2, за 1966 год. Глубокое теоретическое обоснование идеи единства научного мировоззрения и коммунистической морали дано в брошюре М. Я. Ковальсона «Мировоззрение и мораль». Однако надо признать, что тема взаимосвязи науки и морали не приобрела еще своего гражданства в нашей литературе, не получила еще достаточно всестороннего анализа.

В исследовании данной проблемы, на наш взгляд, следует выделить три основных аспекта: различие науки и морали, их взаимосвязь и тождество, совпадение. Устанавливая факт взаимосвязи науки и морали, мы еще не доказываем их тождества, ибо связь науки и морали в капиталистическом обществе — это связь истины и лжи, связь объективного знания с субъективными идеалами, противоречащими общественному прогрессу, законам науки. Не всякая связь науки и морали есть их тождество. Главное значение в рассмотрении данной проблемы имеет обоснование того положения, что существует объективный критерий моральных ценностей, а следовательно, объективная основа для совпадения морали с наукой и науки с моралью.

Наука и мораль в гносеологическом плане представляют собой различные формы отражения действительности. Объект науки шире, чем объект морали. Наука отражает природу, общество и познание. Объектом морали является взаимоотношение между личностью и обществом. В морали находит свое отражение вся совокупность отношений между людьми, ибо в общественной жизни нет такой сферы, где человек был бы независим от других людей, от общества и не был бы вынужден считаться с ними. Природа сама по себе не отражается

³⁾ Газета «Комсомольская правда», 1963, 25 октября.

в морали. Любой объект естествознания не имеет этического содержания. Ни дифференциальные уравнения, ни молекулы и атомы, ни виды и особи животных и растений ни нравственны, ни безнравственны. Даже физиология и анатомия, имеющие дело с организмом человека, абстрагируются от нравственной сущности своего объекта: жизнедеятельность человеческого организма сама по себе — вне добра и зла... объектом морали может быть лишь то, что связано с деятельностью человека в обществе.

Общество и человек отражаются наукой и моралью с различных сторон. Наука — высшая форма знания, выраженного в точных понятиях и категориях. Задача науки — дать точное описание фактов, отразить общее, закономерное в этих фактах. Особенность научных понятий состоит в том, что они исключают что-либо субъективное, привнесенное от самого познающего субъекта.

Но объективные факты общественной жизни всегда выражаются в субъективной форме в виде помыслов и чувств, духовных интересов и потребностей, желаний и целей, идеалов и представлений о должном. В категориях морали «добро» и «зло», «справедливое» и «несправедливое», «честное» и «бесчестное», «совесть» и т. д. находят свое непосредственное отражение не сами по себе факты, а их отражение в головах людей, их субъективная форма выражения. Объективные законы отражаются в морали через нормативные и оценочные суждения и понятия. Наука дает непосредственное знание о сущем, а мораль — о должном. Через знание должного мораль отражает сущее. Категории науки — истины факта, категории морали — категории долженствования. В процессе познания поэтому непозволительно смешивать истину с моральными требованиями и оценками, научный анализ действительности подменять морализированием.

Различная гносеологическая природа науки и морали накладывает отпечаток и на их структуру. Фундаментом научного отражения является теоретический, абстрактно-логический уровень отражения. В моральном сознании на уровень научно-теоретического обоснования может быть поднята и теория нравственности (этика), и мораль общества, и сфера так называемого обыденного сознания, и тем не менее область чувств при этом не только не сужается, но впервые получает свое подлинное обогащение и совершенствование. Сфера чувственного отражения в морали шире, чем в науке. Любовь и ненависть, гордость и презрение, сострадание, неприязнь, благодарность, жестокость, тщеславие, честолюбие, уважение человеческого достоинства, долг, угрызение совести, эгоизм, корысть, властолюбие, скромность и т. д. — все это есть специфически нравственные чувства, сопровождающие любую человеческую деятельность, в том числе и научную...

Наука и мораль — это различные общественные явления. Они возникают в разное время, порождаются различными потребностями и играют в обществе различную роль.

Мораль возникает с возникновением первых трудовых коллективов. Становление труда как сознательной, целенаправленной деятельности сопровождалось выработкой единых требований к поведению каждого индивида, исходя из интересов сохранения и укрепления данного коллектива. Первые нормы морали носили не столько позитивный, сколько негативный характер. Они представляли собой требования воздерживаться от действий, опасных для жизни первобытного стада. Существование первых моральных норм (табу) предполагало знание того, что данные действия угрожают гибелью не только нарушителю запрета, но и всему коллективу, членом которого он является. Но знание опасности тех или иных действий ничего общего не имело с отражением причин этой опасности.

«Самые первые моральные нормы были насильственно навязаны формирующимся людям слепой, непознанной ими и потому противостоящей им как стихийная внешняя сила производственной необходимостью в подавлении животного индивидуализма». «Коллектив требует от своих членов соблюдения табу не потому, что он осознает нашедшие в табу потребности как свои собственные, а из страха перед последствиями, которые грозят коллективу в случае нарушения табу одним из его членов. Как свою собственную потребность коллектив осознает не ту, которая нашла свое выражение в табу, а необходимость соблюдения самого табу, природа которого остается совершенно неясной...»⁴)

Незнание, беспомощность людей перед могущественными силами природы превращало моральные нормы в единственное орудие регулирования взаимоотношений внутри коллектива. Мораль является одной из самых древних форм общественного сознания.

Наука складывается как особая форма отражения общественного бытия, как особый вид деятельности лишь с отделением умственного труда от физического, то есть на сравнительно высоком уровне развития производства, позволявшем вычленив познание как одну из относительно самостоятельных областей общественного сознания.

В отличие от морали как регулятора отношений между индивидом и обществом наука выполняет познавательную функцию. Она призвана дать человеку средства контроля и управления законами внешнего мира для создания более лучших условий его существования. Наука — это самое сильное орудие регулирования взаимоотношений между человеком и природой. Сила влияния общества на природу измеряется прежде всего степенью развития научных знаний. Наука имеет определяющее значение по отношению ко всем формам общественного сознания, в том числе и по отношению к развитию морали. Прогресс в сфере нравственности определяется соединением ее с наукой, диалектико-материалистическим мировоззрением.

Наука и мораль различным образом связаны с производством. Если наука вызвана непосредственными потребностями производства, призвана непосредственно его обслуживать, то связь морали с производством опосредована экономикой, политикой, правом, наукой, мировоззрением.

Таковы некоторые особенности науки и морали, обуславливающие их относительную самостоятельность.

Другой стороной соотношения науки и морали является их взаимовлияние, взаимообусловленность. Относительность противоположности науки и морали вытекает из того, что они включены в структуру единого целого — общественного сознания; как и все формы общественного сознания, они являются отражением общественного бытия, имеют социальную природу. Эта общность создает основу для взаимного влияния науки и морали, для их совпадения при определенных условиях.

Объекты науки и морали не отделены друг от друга непроходимой гранью. Объект является предметом не только познания, но и практики. Осваивая мир духовно, человек определяет практическое отношение к этому миру, т. е. создает представление о том, какое значение имеют познанные законы действительности для его собственного существования, как он должен использовать эти законы, чтобы превратить их в благо, в условия улучшения своей жизни. Это значит, в своем движении к практике научное отражение мира дополняется моральным отражением. Истина — диалектический процесс движения от объекта к субъекту и от субъекта к объекту. Духовное освоение мира, осуществленное в законах науки, не останавливается на этом уровне. Законы

⁴) Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, стр. 278—279.

науки, прежде чем воплотиться в реальных вещах и отношениях, проходят через сферу морального сознания. Истина факта — не самоцель, а средство овладения внешним миром, орудие господства человека над стихийными силами природы. Она не может материализоваться, не превратившись в руководство к действию, в стимул, в волеизъявление. Лишь проходя через нравственное сознание, истина совершает свой путь к практике. Знания, не переведенные в моральную сферу, бездейственны. В «Энциклопедии философских наук (логика)» Гегель писал, что разум стремится, с одной стороны, овладеть объективным содержанием мира, а с другой стороны — внедрить в него субъективное. «Первое стремление есть стремление знания к истине, познание как таковое — творческая деятельность идеи; второе стремление есть стремление добра к своему осуществлению, — воля, практическая деятельность идеи»⁵).

В конспекте «Науки логики» В. И. Ленин сопровождает эти мысли Гегеля следующими замечаниями: «Очень хорош § 225 «Энциклопедии», где «познание» («теоретическое») и «воля», «практическая деятельность» изображены как две стороны, два метода, два средства уничтожения «однородности» и субъективности и объективности»⁶).

Таким образом, познание, убеждение, воля, деятельность, практика — таков путь от субъективного к объективному. Осуществляя переход к практике, знания приобретают нравственный аспект, они сами становятся моральной ценностью, благом жизни, условием интеллектуального совершенствования человека.

Нравственные отношения, добро или зло — это деяния либо знания, либо незнания, либо истины, либо заблуждений и предрассудков. Аристотель писал: «Всякий дурной человек не знает, что нужно и чего не нужно делать, и именно этот недостаток и делает людей несправедливыми и вообще злыми. Незнание выбора между добром и злом не приводит к тому, чтобы поступок стал недобросовестным (не мог быть вменен), а лишь к тому, что он становится дурным». Прочитывая это, Гегель замечает: «Аристотель, разумеется, глубже постиг связь между познанием и волнением, чем та плоская философия, которая учит, что не познание, а сердце и восторженность суть подлинные принципы нравственного действия»⁷).

Нравственные пороки — продукт одностороннего, ложного взгляда на мир, порождаемого гносеологическими и социальными причинами. В моральном сознании, в нравственных качествах личности находит свое выражение прежде всего мировоззрение, отношение индивида к миру в целом, понимание своего места в нем. Например, религиозное мировоззрение необходимо порождает и религиозную мораль. Вера в сверхъестественные существа реализуется в религиозной нравственности, отрицающей ценность земной жизни и призывающей поклоняться тому, чего нет в действительности, жить иллюзией общения с несуществующим богом, готовить себя к загробной жизни, к спасению души. Несовершенство условий жизни людей — главная причина извращенного понимания мира, заблуждений и предрассудков. Но коль скоро последние возникли, они становятся самостоятельной силой, творящей нравственные пороки. Ложь—гносеологическая почва одностороннего развития каких-либо свойств личности за счет других, устойчивого преобладания какого-либо одного влечения, которое, вытесняя другие побуждения, ведет к пороку.

Превращаясь в практику, средство осуществления тех или иных общественных идеалов, наука может приобретать различные нравствен-

⁵) Гегель. Энциклопедия философских наук. Ч. 1, М., 1930 — Л., стр. 331.

⁶) В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1965, стр. 190.

⁷) Ф. А. Селиванов. Заблуждения и пороки. Томск, 1965, стр. 15.

ные аспекты в зависимости от того, ложны или истинны эти идеалы, ложна или истинна практика тех или иных классов, социальных групп. Наука может быть благом или злом в зависимости от того, истинна или ложна практическая деятельность, в которой она реализуется. В процессе реализации знания может сложиться противоречивое сочетание естественнонаучной истины с ложным пониманием общественных фактов. Иллюзорность отражения практики создает иллюзорность самой практики, что, в сущности, означает подчинение науки идеалам, противоречащим объективным законам общества, а следовательно, и самой науке. Стремление соединить истинное отражение природы с ложным пониманием общественных процессов, с узкоклассовыми реакционными целями и интересами приводит науку в противоречие с ее собственным общечеловеческим содержанием. Наука вызвана к жизни практическими потребностями создания более совершенных условий для существования человечества. Она призвана облегчать труд людей, лечить физические и социальные болезни, продлять жизнь человека, увеличивать материальные и духовные ценности. Соединение познания с ложной практикой отживающих общественных сил направляет науку против самой себя, делает ее аморальной, антигуманной.

Именно такой антагонистический характер приобретает связь науки с моралью в современном капиталистическом обществе. Устремления буржуазии направлены против интересов всего общества, ее идеалы не совпадают с объективной логикой истории. Поэтому она оказывается неспособной совместить истины естествознания (они не затрагивают интересов тех или иных классов) с истинами социологии, утверждающими неизбежность замены капитализма социализмом. Буржуазия отказывается от признания возможности применения научных методов к анализу общественных явлений, ибо «если бы капиталистический мир применял научные методы во всех областях исследования, то он тем самым подписал бы себе смертный приговор»⁸⁾.

Буржуазия, оставаясь верной своим классовым интересам, не может принять объективную истину в области социальных исследований, она вынуждена извращать ее. В области общественной практики, моральных ценностей и идеалов капитализм не может не отчуждать от себя истину, не может не становиться во враждебное отношение к науке, к достоверному отражению своего значения в историческом прогрессе. В основе противопоставления науки и этики лежит абсолютизация различий между природой и обществом, естествознанием и социологией. Если в природе признается объективная закономерность, а следовательно научная значимость категорий естествознания, то в обществе отрицаются объективные законы и соответственно научная значимость исторического познания. Буржуазное мирозерцание не способно преодолеть метафизическое противопоставление объективной необходимости и сознательной деятельности людей, детерминизма и свободы. С точки зрения субъективно-идеалистической социологии общество не может с такой же строгостью, как природа, подчиняться законам, не зависящим от сознания и воли людей. Следовательно, исчезает объективный критерий как в практической деятельности людей, так и в теории ценностей. Хорошее и дурное, справедливое и несправедливое и т. д. — это не более как субъективные мнения и оценки, не имеющие никакого объективного критерия. К ним неприменимы методы науки, моральные суждения выходят за ее пределы.

Из отказа от науки при анализе практического использования результатов познания неизбежно вытекает подчинение последнего аморальным целям и задачам. Отчуждение от науки в сфере реализации

⁸⁾ Г. Селзам. Марксизм и мораль. М., 1962, стр. 153.

последней находит свое выражение прежде всего в факте милитаризации науки, в уродливой человеконенавистнической направленности ее развития. Никогда буржуазия не ставила научные открытия на службу войне в таких масштабах, как это делает она сейчас. 75% всех ассигнований США на научную деятельность так или иначе расходуется на военные цели. 70% всего научного персонала капиталистических стран используется в конечном счете для подготовки войны. Создаются чудовищные средства массового уничтожения людей: бактерии чумы, холеры и других болезней, уничтоженных в Европе еще в XV в., воспроизводятся сейчас в лабораторных условиях; создается также термоядерное, химическое, космическое оружие, способное уничтожить сотни миллионов людей⁹). Декан Массачусетского технологического института профессор Джером Визнер, бывший в 1960—1963 гг. советником президента по вопросам наук, заявил. «Я считаю, что мы уже способны к сверхубийству»¹⁰). Ведя науку по ложному пути служения своим узкоклассовым целям борьбы против большинства человечества, буржуазия пытается и практически, и теоретически совместить истину и ложь, истину и аморализм. Она стремится уничтожить гуманизм науки, но сделать науку антигуманной — это значит идти по пути уничтожения самой науки, ибо гуманизм заложен в природе самого познания. Отражая внешний мир в истинах, наука тем самым выступает как могучее средство очеловечивания и природы, и человека. Применяя научные знания, человек в орудиях труда, в материальных условиях своего существования создает новую очеловеченную природу. Вместе с тем он превращает и самого себя в подлинно человеческое существо, создает самого себя. «Гуманизм и наука, — пишет современный немецкий ученый Г. Шмелленмейер, — это два понятия, которые с давних пор находятся в тесном взаимодействии, взаимно сплетены, не могут мыслиться одно без другого»¹¹).

Степень гуманистичности общества есть выражение того, в какой мере гуманизм науки воплощается в реальные общественные отношения. Классовые антагонизмы современного капиталистического общества, рост аморализма в сфере производства, политики, в общественном и индивидуальном масштабе (в США преступность растет в 5 раз быстрее, чем население), деградация духовной культуры свидетельствует о том, что буржуазная практика враждебна науке, она дегуманизирует общество и человека. Признание истины в области естествознания и отказ от нее в отношении к социальной роли науки — такова природа антагонизма между наукой и моралью в капиталистическом обществе.

Принцип научного объяснения общественного развития совпадает с интересами лишь тех классов, которые заинтересованы в реализации объективных законов общества. Свою роль движущей силы общественного прогресса они могут осуществить лишь при условии правильного отражения социальных процессов. В основе революционной деятельности всегда лежит верное отражение объективных потребностей общественного развития. Однако из всех революционных классов один лишь рабочий класс в лице его идеологов способен создать научное отражение законов общества, соединить признание естественной необходимости с признанием социальной необходимости. Если субъективная деятельность, духовные интересы, цели и задачи есть не что иное, как идеальная форма материальной деятельности, материальных потребно-

⁹) С. И. Попов. Антикommунизм — враг науки. В сб.: «Критика идеологии антикоммунизма». М., 1965, стр. 77.

¹⁰) Ж. «Международная жизнь», 1966, № 5, стр. 40.

¹¹) А. Ф. Ш и ш к и н. Об этике ученого. Ж. «Вопросы философии», 1959, № 2, стр. 23—24.

стей людей, то, следовательно, существует объективный критерий оценки, объективное содержание нравственности. Значит, то, что в мнениях людей является добром или злом, может иметь объективное содержание. Принцип материалистического понимания общества требует признания возможности совпадения морали с наукой, ибо найден объективный критерий моральных ценностей.

Борясь против многочисленных извращений марксизма, в которых последний изображался не более как чисто этическое учение, якобы не имеющее никакого научного обоснования, В. И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества» находит справедливым утверждение немецкого буржуазного социолога Зомбарта о том, что «в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики: в отношении теоретическом «этическую точку зрения» он подчиняет «принципу причинности»; в отношении практическом он сводит ее к классовой борьбе»¹²⁾.

Было бы неверным полагать, что здесь В. И. Ленин говорит о несовместимости марксизма с моралью, об отрицании этического момента в марксизме. В конкретно-исторических условиях создания теоретической программы социалистической революции в условиях необходимости защиты марксизма как науки В. И. Ленин акцентирует внимание лишь на одном моменте строго научного характера учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Все выводы пролетарского мировоззрения от начала и до конца научны, детерминированы. В них нет ни одного положения, которое было бы лишь субъективным требованием, не имеющим основания в самой объективной действительности. В. И. Ленин решительно отмежевывается от попыток этизировать марксизм, свести его к простой сумме этических представлений и идеалов. Вывод марксизма о неизбежности победы коммунизма есть истина, закон науки, объективно верное отражение развития капиталистического общества. Однако отличие этой истины от естественнонаучной истины в том, что ее объект (революционная практика трудящихся) имеет не только социально-политическое, но и нравственное содержание. Коммунизм — это не только закон общества, но вместе с тем и благо для человечества в целом и для каждого индивида.

В условиях, когда переустройство общества на коммунистических началах из области теории переходит в сферу непосредственной практики, одним из условий успеха является раскрытие марксизма не только с точки зрения его научного содержания, но и со стороны его интеллектуальной, моральной и эстетической ценности. Вместе с этим немаловажное значение приобретает анализ научного содержания коммунистической морали. В изучении общественных наук нельзя останавливаться только на усвоении их как суммы научных категорий и взглядов. Это хотя и главная задача, но она не исчерпывает решение проблемы. Система марксистских истин только тогда становится реальной общественной силой, когда она переведена в сферу нравственного сознания и нравственных отношений, превращена в личную убежденность, в стимул деятельности, совесть человека. А это значит, что марксизм должен быть усвоен и на уровне интеллектуальном, и на уровне эмоционально-психологическом. Всестороннее овладение наукой предполагает проникновение в содержание истины как разумом, так и чувствами. Среди всех социальных теорий, претендовавших на роль руководства в изменении общества, лишь марксизм указал такие пути и средства, которые создают реальные основы блага и счастья не для отдельных групп людей, а для всего человечества. Разум, постигший трагедии и коллизии человечества, не способен дать ему духовного

¹²⁾ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 440—441.

оружия в борьбе, если он не пронизан высшими нравственными идеалами не только в виде идей, но и чувств. В рациональную сторону марксизма органически вплетен нравственный момент — могущественная сила любви к человечеству. Находясь в прямой пропорциональной зависимости от силы духа, это чувство выступало как могучая побудительная сила развития самого разума. Логическое и нравственно-психологическое в марксизме — это две неотъемлемые стороны, взаимно дополняющие и взаимно обогащающие друг друга.

«...Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага»¹³).

Подлинный гуманизм, глубочайшее сострадание к мукам человечества, неукротимое, страстное желание избавить его от этих мук, от всех пут, мешающих совершенствованию человека — эта социально-этическая функция научного мировоззрения составляет его плоть, его душу. Научное мировоззрение — единственная духовная основа, на которой только и могут развертываться высшие умственные, морально-психологические, эстетические способности и свойства. Тот факт, что именно коммунисты — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, М. И. Калинин, С. М. Киров, Ф. Э. Дзержинский и многие другие деятели революции дали человечеству пример высшего благородства и нравственной чистоты, богатства и подлинно человеческой красоты, является закономерным следствием превращения научной истины в основу формирования всех духовных качеств личности. Объективное содержание истины одно, не может быть двух истин об одном и том же явлении. Следовательно, не может быть двух в равной мере правильных методов познания и деятельности. Максимальное развитие человеческих способностей может обеспечить лишь такой способ мышления, который позволяет наиболее полно отразить мир, получить самые оптимальные результаты в духовном и практическом освоении мира. Таким методом мышления является диалектический материализм. Он дает самое результативное средство связей субъекта с объективным миром. Усваивая этот метод, переводя его в индивидуальные свойства, человек тем самым достигает всестороннего совершенствования своих творческих способностей, создает одно из самых высших благ для своего собственного существования. Всестороннее нравственное совершенствование возможно лишь на основе всестороннего отражения диалектики жизни, на основе научного мировоззрения. Нравственная свобода — это моральная истина, соединенная с поступками, это диалектико-материалистическое мышление, реализуемое в мыслях, чувствах и побуждениях человека. Выполняя познавательную функцию, научное мировоззрение вместе с тем осуществляет функцию и морально-психологического формирования личности. Становление коммунистически мыслящего, чувствующего и действующего человека невозможно без органического слияния познавательной и воспитательной функции науки, без превращения науки и прежде всего диалектико-материалистического мировоззрения в морально-психологические качества личности. К сожалению, на эту сторону дела мы еще не обращаем должного внимания.

С другой стороны, воспитание моральных качеств не всегда ставится нами на почву науки. Правила и нормы поведения, предъяв-

¹³) К. Маркс. Размышления юноши при выборе профессии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 4—5.

ляемые к личности, должны раскрываться как такие требования общества, выполнение которых объективно необходимо для самой личности, ибо эти требования в основе своей истинны, научны, имеют общечеловеческий характер. Игнорируя эти требования, человек противостоит не только обществу, но и самому себе, отвергает правду жизни. Например, в требовании коммунистического отношения к труду воедино слиты моральная норма и научный взгляд на мир и человека. Общество требует от каждого члена посильного участия в общественно полезной деятельности прежде всего потому, что труд есть основное необходимейшее условие, без которого ни общество, ни отдельный человек не могут развиваться и совершенствоваться. Общественно полезный труд объективно необходим для личности, ибо только на его основе человек может развить в себе то, что делает его человеком в подлинном смысле этого слова. Всем истинно человеческим мы обязаны прежде всего труду. Индивид может обладать хорошими задатками, но без закалки воли, ума и характера в трудовой деятельности, в общественных связях он неизбежно деградирует, дегуманизируется. Распад личности — это неизбежный результат отчуждения человека от труда, представляющего общечеловеческую ценность. Необходимость этого труда есть факт науки, объективная потребность социальной жизни, одно из ее существеннейших свойств. Нормативное требование расточать свою энергию для блага общества существует в нашей морали не только как субъективное желание, норма нравственности, но и как вывод науки об обществе и человеке.

Критерием нравственности в нашей морали является коммунизм. «Мы говорим: нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата; создающего новое общество коммунистов»¹⁴).

Этот критерий нравственности есть вместе с тем и истина, научно обоснованный вывод. Только в коммунистической морали впервые в истории и сфера морального сознания, и нравственные отношения, и этические теории органически соединяются с научным мировоззрением, получают значение не только нормативных суждений, но и научных положений. Наша мораль — это наука, переведенная в убеждения, стимулы и действия, в индивидуальные качества личности.

Истина безразлична к нравственным качествам человека. Она требует от ученого не каких угодно, а определенных качеств. И только тогда, когда научный метод мышления сочетается с этими качествами, творческие способности ученого раскрываются во всей их политике. Всякое открытие в науке — это подвиг, т. е. моральное по своему характеру явление. Всякий новый шаг в науке связан с отрицанием старых теорий и положений, с борьбой за истину, за ее признание научной средой. В процессе познания действуют не только чисто интеллектуальные способности исследователя, но в ткань этого процесса органически включены чувства и эмоции, настроения и воля, характер и внутренние побуждения к научному поиску. Ученого может звать к этому поиску страстная любовь к истине, глубокое осознание того блага, которое в ней заключено, стремление сделать это благо достоянием общества. Но его могут побуждать к этому поиску и низменные мотивы: тщеславие, престиж, собственное личное благополучие. Эти мотивы несовместимы с истиной, с природой самого познания, призванного умножать ценности культуры, лечить физические и социальные болезни, продлять жизнь человека, овладевать просторами Вселенной. Истина требует прежде всего любви к познанию и к жизни. Неистребимая жажда к знаниям и жизни — вот одна из движущих сил научного прогресса.

¹⁴) В. И. Ленин. Соч., т. 41, стр. 311.

Любовь к познанию — это честность и смелость, принципиальность и решимость в любой момент отказаться от точки зрения, которая добылась с большим трудом и стала близкой сердцу, дорогой, но оказалась неверной, ошибочной; это добросовестность и скромность, способность признавать авторитет и заслуги своих коллег, это коллективная и личная ответственность ученых за результаты своих исследований. История науки знает немало примеров гармоничного сочетания интеллектуальных качеств, позволивших ученым сделать великие открытия. М. В. Ломоносов, Ч. Дарвин, К. Маркс и Ф. Энгельс, В. И. Ленин, Д. И. Менделеев, И. П. Павлов, И. В. Мичурин, супруги Кюри, Резерфорд, Ланжевен, Луи де Бройль и многие другие ученые внесли вклад в мировую культуру благодаря прекрасному сочетанию своих умственных способностей с нравственным совершенствованием. Но вместе с тем никто не подсчитал еще, сколько дарований погибло для науки и человечества вследствие того, что моральные качества ученых противоречили принципам истины. Исследование того, каким образом эти качества влияют на научное творчество, для нас представляется задачей интересной и полезной.
